

DOI 10.5862/JHSS.251.7
УДК 93/94

Люй Сыцун

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1925–1927) В РАБОТАХ СОТРУДНИКОВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА

Рассмотрено влияние И.В. Сталина и Ван Мина в 1930-х гг. на научную работу китаеведов Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) в области изучения истории Коммунистической партии Китая. Отмечается, что сотрудники университета, в частности В. Мурзинцев, в своих исследованиях придерживались идеологии сталинизма и одновременно, ссылаясь на работы Ван Мина, признавали уникальность истории Китая.

ИСТОРИОГРАФИЯ; КИТАЕВЕДЕНИЕ; ИСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ; КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1925–1927).

Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина (КУТВ) – учебное заведение Коминтерна, действовавшее в Москве с 1921 по 1938 г., – оставил заметный след в истории советско-китайских отношений и советского китаеведения. Университет не только подготовил большое количество революционных кадров для китайской коммунистической революции, но и стал одним из крупнейших центров советской синологии 1920–1930-х гг.

Среди многообразия тем исследований китаеведов той эпохи одной из важнейших является история Коммунистической партии Китая (КПК). Актуальность данной темы обусловлена историографической и политической значимостью изучения феномена революции XX в. Во-первых, китайская национальная революция 1925–1927 гг. достигла вершины при непосредственной поддержке ВКП(б) и Коминтерна, окончательное поражение ее также было тесно связано с разногласиями внутри ВКП(б), поэтому советские китаеведы не могли не увидеть необходимость изучения истории КПК, чтобы обобщить исторический опыт. Во-вторых, после кровавого подавления национальной революции в 1927 г. начался новый этап революционной ситуации в Китае. Новорожденные советские районы Китая, советская власть в аграрных провинциях, вооруженная борьба с гоминьдановцами в деревнях – все эти

новые факторы были неизвестны советским китаеведам, знакомым только с опытом Октябрьской революции на базе промышленных городов. Новые исторические события потребовали новых исследований.

Наиболее значимые научные исследования в области истории КПК, проведенные в КУТВ, находятся в его учебных материалах, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), в фонде КУТВ (№ 532). Хронологические рамки материалов – 1934–1937 гг. В течение четырех лет КПК совершила Великий поход¹ на север, собирая силы для борьбы с японскими захватчиками. По мере того как КПК развивалась, китаеведы КУТВ в Москве тщательно исследовали ее революционную деятельность в эти годы и одновременно проводили ретроспективные исследования истории партии конца 1920-х гг.

Следует отметить, что научные работы китаеведов КУТВ никогда не были чисто научными. Гуманитарии сталинской эпохи часто отождествляли научные изыскания с политической пропагандой, и китаеведы не являлись

¹ Великий поход – поход КПК и рабоче-крестьянской Красной армии Китая на север в 1934–1936 гг. Цель похода – избежание наступлений Гоминьдана (тогдашней правящей партии Китая) и создание новой революционной базы в Северном Китае.

в этом исключении. Строгое соблюдение правил партийной идеологии давно стало «научным» критерием в советском китаеведении, а эта идеология чаще всего означала сталинизм. В начале 1930-х гг. И.В. Сталин, одержав победу в борьбе с Л.Д. Троцким, Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым и Н.И. Бухариным, окончательно занял единственное авторитетное место в партии. Его статьи, речи и письма стали первыми источниками советской идеологии, в том числе и идеологии в китайской политике Советского Союза.

Согласно Сталину, в период китайской революции до 1927 г., который он называет «кантонским» (центр революции находился в южном городе Кантоне), субъектом революции был блок рабочих и крестьян с частью буржуазии. В первой половине 1927 г., когда центр революции переместился в город Ухань и начался ее «уханьский» этап, большинство крупных капиталистов отошли от революции, гегемония пролетариата в ней значительно усилилась [1]. Можно сделать вывод, что уханьский период — более высокая ступень революции, чем кантонский. Китаеведы КУТВ, как и их коллеги в других учебных заведениях, во многом придерживались формулировки И.В. Сталина и сделали всё возможное, чтобы доказать правильность доводов вождя.

Другим высшим авторитетом в области идеологии для советских китаеведов являлся китайский партийный деятель Ван Мин. В официальной историографии КПК [См.: 2, с. 307–312] он представлен как ярый враг Мао Цзэдуна, в последние годы — как «предатель» КПК, нашедший убежище в Советском Союзе. Однако в 1930-х гг. Ван Мин считался в Москве крупнейшим китайским теоретиком. Будучи членом Политсекретариата Исполкома Коминтерна (ИККИ), Ван Мин являлся посредником между КПК и Коминтерном, отвечал за объяснение линии Коминтерна китайским товарищам. Кроме того, утверждению Ван Мина в качестве специалиста по китайскому вопросу способствовало то, что большинство конкретных комментариев Сталина по событиям в Китае относилось к концу 1920-х гг., а Советский Китай 1930-х гг. они почти не затрагивали. Таким образом, Ван Мин взял на себя задачу объяснить советским товарищам последнюю революционную ситуацию в Китае.

О месте И.В. Сталина и Ван Мина в советском китаеведении свидетельствует библиография 1937 г. [3, л. 124–133], служившая списком рекомендуемой литературы по китайскому вопросу для учащихся КУТВ. Самыми цитируемыми в ней были В.И. Ленин, И.В. Сталин и видный советский синолог П.А. Миф, который в 1930-х гг. долго работал на посту ректора КУТВ [4] и считался главным покровителем Ван Мина в Советском Союзе. Среди работ китайцев первое место по количеству занимают статьи Ван Мина (всего 23 статьи, написанные примерно в 1932–1936 гг.), второе — статьи Кан Шэн, тогдашнего помощника Ван Мина в Москве (3 статьи). Что касается лидера советского района Китая Мао Цзэдуна, то в данный список вошел лишь один из его докладов. В него включены также работа Чэнь Юня «Героический поход» (написана под псевдонимом Ши Пиным) и статья «левого» поэта Сяо Саня (Эми Сяо) [3, л. 124–133]. Совершенно очевидно, что наряду с В.И. Лениным большим авторитетом у советских китаеведов пользовались И.В. Сталин и Ван Мин. Многие учащиеся КУТВ находились под влиянием именно их работ.

Как уже упоминалось выше, суть сталинской периодизации истории КПК 1920-х гг. заключалась в его учении о кантонском и уханьском этапах революции. Сталин обозначил начало уханьского периода, однако никогда четко не высказывал своего мнения о конкретном моменте, когда он закончился. Вследствие этого советские ученые были вынуждены выработать свои гипотезы по данному вопросу, чтобы пополнить партийную теорию новым содержанием. Советский дипломат А.В. Бакулин сразу после спада революционной волны в Китае в апреле 1927 г. написал первую содержательную монографию об уханьском периоде [5, с. V], но он завершил свою работу до июля 1927 г., когда китайская национальная революция потерпела окончательное поражение. В этой работе не нашли отражения вооруженные восстания, произошедшие во второй половине 1927 г. Таким образом, А.В. Бакулину не удалось точно определить время окончания уханьского периода. Позднее советские китаеведы М. Волин (С.Н. Беленький) и П.А. Миф датировали конец уханьского периода июлем — августом 1927 г., когда уханьская группировка гоминьдановцев открыто изменила револю-

ции и КПК была вынуждена прибегнуть к вооруженной борьбе против бывших союзников [См.: 6, с. 164]. Однако дискуссия по этому вопросу продолжалась. Уханьский период требовал более глубокого исследования.

Научная работа сотрудника КУТВ В. Мурзинцева «Тактика К. П.² на Уханьском этапе революции» [7] благодаря времени ее написания оказалась более основательной. Эта работа сохранилась в архиве. Она не датирована, но, судя по содержанию, работа относится к 1934–1937 гг. Задача ее автора состояла в интерпретации главных исторических событий уханьского этапа китайской революции, разъяснении причины поражения КПК.

В. Мурзинцев в основном согласился с М. Волиным и П.А. Мифом в том, что уханьский период закончился летом 1927 г. По его мнению, это произошло в «период от измены Чан Кайши до измены Уханьского правительства, Наньчанского восстания Хо-Луна и Ие-Тина³ в августе 1927 г.» [Там же. Л. 1а]. Мурзинцев определил изменение классового состава революционного блока как причину перехода от кантонского этапа к уханьскому. Вслед за И.В. Сталиным В. Мурзинцев указал на предательство буржуазии: «Национальная буржуазия отходит от революции и превращается в контрреволюционную силу потому, что она испугалась развертывающегося массового движения рабочего класса и крестьянства» [Там же]. А после уступки китайской буржуазии империализму и феодальным эксплуататорам в революционном лагере остались пролетариат, крестьяне, мелкая буржуазия и городская беднота. В трехмесячный уханьский период именно эти социальные силы сформировали революционный союз. Основная периодизация и классовый анализ у В. Мурзинцева те же, что и у Сталина.

Далее В. Мурзинцев привел слова вождя, но дополнил цитату. Как известно, Сталин охарактеризовал наступление уханьского периода как переход революции на более высокую степень. На его взгляд, раз национальная буржуазия отошла от революции, значит, революция в Китае стала «демократичнее». Революция «об-

щественная» превратилась в «аграрную» революцию рабочих и крестьян, «которая усилит и расширит борьбу против империализма, против джентри и феодальных помещиков» [Там же. Л. 7]. Сославшись на цитату партийного лидера, Мурзинцев переформулировал теорию Сталина: «Переход от кантонского этапа революции к уханьскому является переходом от этапа буржуазной революции к этапу революции буржуазно-демократической» [Там же. Л. 8]. Новая формулировка была гораздо лаконичнее, что позволяло учащимся КУТВ, на первый взгляд, овладеть существом сталинской теории.

Однако В. Мурзинцев отметил, что не следует переоценивать значение этого перехода. Гегемон китайского революционного движения до и после перехода был один и тот же — пролетариат. В связи с неизменной классовой сутью революции цель ее на новом этапе осталась прежней — уничтожить империализм, преодолеть феодальные пережитки в Китае. Кроме того, все основные революционные силы кантонского периода продолжали борьбу и в уханьский период, лишь буржуазия предала революцию. Таким образом, исследователь пришел к выводу, что переход явился не столько стратегическим, сколько тактическим.

Подтекст в этой работе В. Мурзинцева понять нетрудно: поскольку переход был только «тактическим», нельзя отнести события к новому этапу. Поэтому исследователь начал апологию сталинской политики. В 1926–1927 гг. многие советские троцкисты и члены КПК резко критиковали Сталина за его «мирную» политику в отношении китайской буржуазии. Они считали китайскую буржуазия не надежным союзником пролетариата, а скорее врагом революции. Сам Л.Д. Троцкий не раз выступал за немедленный уход КПК из коалиционного правительства и начало борьбы коммунистов с буржуазной партией — Гоминьданом. Вопреки мнению троцкистов, Сталин настоял на том, что союз коммунистов с Гоминьданом разрывать нельзя. Надо было сохранять прежнюю стратегию.

В. Мурзинцев назвал критику И.В. Сталина троцкистами «клеветническим изображением» [Там же. Л. 23] правильной политики Коминтерна. Он считал, что вождь никогда не капитулировал перед буржуазией. Поскольку революция уханьского периода была буржуазно-демократической, сотрудничество с широ-

²Правильно: КПК.

³Правильно: Хэ Лун, Е Тин (оба — командующие вооруженными силами КПК, возглавлявшие Наньчанское восстание в августе 1927 г.).

чайшим спектром социальных сил, включая буржуазию, оставалось необходимым. А так называемый «мирный путь» был невозможен, причем не только из-за весьма крепкой социальной базы врагов революции, но и потому, что «гоминьдановская форма государственной организации не является целесообразной для перехода от буржуазно-демократической к социалистической революции» [7, л. 23]. Иначе говоря, гоиньдановское правительство было лишь временным орудием на уханьском этапе. Только тогда, когда революция разовьется до следующего этапа, китайские коммунисты смогут разорвать союз с Гоминьданом. В высокой степени соответствия буржуазно-демократической сути революции, понимание И.В. Сталина было абсолютно правильным.

Похвалив великого вождя международного коммунизма, Мурзинцев обвинил троцкистов в оппортунизме. По его мнению, план троцкистов немедленно восстать против империализма и Чан Кайши был не что иное, как «левацкое предложение» [Там же. Л. 26], а призывать трудящиеся массы к восстанию, пока «известный шанс на успех» не будет налицо, — это «играть с восстанием», это «не есть ленинская тактика» [Там же].

Гораздо более резкой критике В. Мурзинцев подверг китайских чэньдусюистов (так в советской и китайской историографии называли сторонников Чэнь Дусю — Генерального секретаря КПК в период Китайской революции 1925–1927 гг.; до сих пор в официальной историографии КПК чэньдусюизм называется «правым оппортунизмом Чэнь Дусю» [См.: 2, с. 198–213]). Если советские троцкисты выступали за утопичную «левацкую» тактику, то китайские чэньдусюисты придерживались «капитулянтской» линии, чем вредили революции. На самом деле Чэнь Дусю и его помощники верно следовали учению И.В. Сталина и положениям Коминтерна, поддерживали необходимость сотрудничества с Гоминьданом. Даже накануне предательства уханьских гоиньдановцев чэньдусюисты поддерживали сотрудничество с ними и не предвидели резню коммунистов. Летом 1927 г. и Сталин, и чэньдусюисты должны были отвечать за трагическую судьбу КПК⁴.

⁴На VII (расширенном) пленуме Исполкома Коминтерна (ноябрь — декабрь 1926 г.) И.В. Сталин

Однако, с точки зрения В. Мурзинцева, виноваты в поражении китайской революции были только чэньдусюисты, ошибки которых он охарактеризовал так: 1) «здесь сказалась чэньдусюистская линия на единый фронт с буржуазией во что бы то ни стало, переоценка революционности буржуазии»; 2) «одновременно Компартия недооценила революционность мелкой буржуазии»; 3) «Компартия не использовала возможностей, не вооружила десятки тысяч рабочих и не влила их в национальную революционную армию... Партийный комитет растерял постепенно свои связи с массовыми организациями» [7, л. 3]. Увидев возможность трагического конца революции, часть чэньдусюистов даже распространяла пораженческие настроения, считая, что единственный путь спасти партию — это бегство на северо-запад [Там же. Л. 32].

Одним словом, союз с буржуазией был необходим. Но при сотрудничестве нельзя было во всех важнейших делах уступать буржуазии — вот в чем виноват Чэнь Дусю. В тактике же И.В. Сталина не было никакой ошибки, это чэньдусюисты поняли ее ошибочно.

После падения чэньдусюизма и кровавой резни коммунистов в Ухане КПК была вынуждена поднять вооруженное восстание против Гоминьдана. Короткий уханьский этап закончился. В. Мурзинцев при изучении исторических вех КПК после уханьского периода больше опирался на работу Ван Мина. Подобно Ван Мину, он подчеркнул историческое значение Кантонского восстания, назвал его важнейшей исторической вехой после поражения революции 1925–1927 гг. КПК подняла восстание 11 декабря 1927 г. в бывшем центре революции Кантоне (ныне — Гуанчжоу), где был создан орган власти советского типа — Кантонская коммуна. Восстание оказалось очень непродолжительным, уже на третий день оно было подавлено гоиньдановцами. Многие из повстанцев-коммунистов были жестоко убиты, избежавшие этой участи были вынуждены укрыться в горном районе.

сделал доклад о положении китайской революции (он вошел в резолюцию пленума [8]), где требовал от КПК в основном доверять Гоминьдану. И Чэнь Дусю продолжал проводить эту линию даже после измены Чан Кайши.

Сегодня в официальной историографии КПК Кантонское восстание рассматривается как сопровождавшаяся левацкими ошибками попытка установления советской власти. Повстанцы не осознали важность перехода в аграрный район, чтобы сберечь силы для партии [2, с. 244–245]. Историки КПК считают, что более эффективную и разумную тактику предложил Мао Цзэдун в крестьянском восстании «Осеннего урожая» 1927 г. Однако в Советском Союзе в 1930-х гг. именно Кантонское восстание считалось важной вехой, тогда как восстание «Осеннего урожая» рассматривалось лишь как незначительный эпизод⁵. В. Мурзинцев писал, что Кантонская коммуна была «арьергардным боем отступающих рабочих и крестьян против контрреволюции, но она открыла собой новую страницу китайской революции – советскую» [7, л. 58]. Эта формулировка подразумевала, что Кантонское восстание было водоразделом между досоветским и советским периодами китайской революции. Другими словами, после Кантонского восстания КПК вышла на революционный путь, классической моделью которого явилась Октябрьская революция.

Взгляды В. Мурзинцева во многом совпали с точкой зрения Ван Мина. В том же архивном фонде сохранилась речь Ван Мина на заседании КУТВ 1934 г., посвященном памяти жертв Кантонского восстания. В ней Ван Мин так обобщил значение восстания: 1) Кантонская коммуна «объявила о ликвидации всей политической и экономической мощи империализма в Китае и о национальной независимости Китая» [9, л. 4], что свидетельствовало о большой решительности коммуны в антиимпериалистической борьбе; 2) коммуна «объявила о конфискации всей помещичьей земли и бесплатной передаче ее безземельному и малоземельному крестьянству» [Там же], т. е. открыто поставила перед собой задачу аграрной революции; 3) коммуна «объявила о введении 8-часового рабочего дня» [Там же]; 4) коммуна создала «первую в истории Китая и самую передовую, самую революционную армию – рабоче-крестьянскую Красную армию» [Там же]. Очевидно, здесь Ван Мин указал

на значение восстания как начала «настоящей» социалистической революции.

В своей речи Ван Мин отметил, что Кантонское восстание было «не только *арьергардным боем* в отношении первой волны революции 1925–1927 гг., но и предвестником, репетицией победоносного развития *советской революции в Китае*» (курсив наш. – Л. С.) [Там же. Л. 7]. Безусловно, В. Мурзинцев уважал Ван Мина, поэтому в своей работе использовал ключевые термины последнего.

Сходство взглядов В. Мурзинцева и Ван Мина отразилось и в оценке Мао Цзэдуна и возглавляемого им советского правительства Китая. Вопреки популярному имиджу «врага Мао», Ван Мин в 1930-х гг. в основном доверял Мао Цзэдуну и признавал его лидером китайской революции советского типа. Согласно китайским источникам, Ван Мин в то время не только видел в Мао Цзэдуне «способного лидера», но и одобрял вклад Мао в марксистскую теорию (в свои последние годы Ван Мин ее всячески отрицал) [См.: 10, с. 268–272]. С 1934 г. Ван Мин во многих тактических вопросах развития советского района не раз поддерживал Мао Цзэдуна и критиковал другого лидера – Бо Гу (Цинь Бансянь) за непонимание ситуации [См.: 11, с. 99]. Таким образом, Ван Мин тогда настаивал на лидерстве Мао Цзэдуна.

«Маоистское» настроение также нашло отражение в работе В. Мурзинцева. Он признал стратегический талант Мао Цзэдуна кантонского периода, указал на его большой опыт в руководстве крестьянскими движениями. Разумеется, ученый здесь не «преувеличивал» достижения Мао Цзэдуна, а придал ему образ верного последователя учения Сталина [7, л. 50]. Обобщая опыт Мао Цзэдуна в экономическом строительстве советского Китая, Мурзинцев отметил его оригинальность. Дело в том, что Мао Цзэдун в советском районе Китая провел раскулачивание не сразу, зажиточных крестьян некоторое время не трогали. Эта политика противоречила господствовавшей тогда в Советском Союзе идее И.В. Сталина, что при проведении революции в любой стране необходимо осуществлять принудительную коллективизацию и беспощадно уничтожать кулачество. В этом вопросе В. Мурзинцев принял сторону Мао Цзэдуна. Он писал, что советская власть Китая «не ставит себе задачи выкорчевать ка-

⁵ Например, в учебной программе курса «История Китая» Кантонское восстание было признано исторической вехой, а о восстании «Осеннего урожая» даже не упоминалось [См.: 3, л. 1–60].

питализм, не проводит политики ликвидации кулачества как класса, но она и не ставит перед собой задачи бороться за развитие капитализма» [7, л. 140]. С точки зрения советского исследователя, временное сохранение капиталистических элементов поможет, а не повредит революции. Экономическая стабильность для КПК была самой актуальной проблемой.

Здесь В. Мурзинцев опять ссылается на статью Ван Мина и цитирует ее: «Задача советского правительства заключается сейчас не в том, чтобы ликвидировать капитализм и форсировать эти новые социально-экономические уклады, а в том, чтобы в чрезвычайно трудных условиях войны, проводя гибкую политику, использовать капитализм в целях оживления советской экономики, укрепления положения советских районов» [Там же. Л. 141]. Это отрывок из статьи Ван Мина в журнале «Коммунистический Интернационал» за 1933 г. [12]. Цитата доказывает симпатию Ван Мина и В. Мурзинцева к экономической политике,

проводимой Мао Цзэдуном. На самом деле после этих строк Ван Мин, продолжая хвалить Мао Цзэдуна, отмечал, что сохранение кулачества может не только «укреплять союз рабочего класса с бедняцко-средняцким крестьянством, отрывая середняка из-под кулацкого влияния, укреплять гегемонию рабочего класса», но и содействовать совершению буржуазно-демократической революции, ускорить процесс социалистической революции [7, л. 141].

Итак, можно сделать следующие выводы. В. Мурзинцев, будучи китаеведом в советском комвузе в 1930-х гг., с одной стороны, в основном придерживался официальной линии в изучении истории Китая 1920-х гг., прежде всего настаивая на верности сталинских оценок событий, с другой стороны, в изучении истории Китая 1930-х гг. он оказался во многом солидарен с Ван Мином, признавая уникальность китайской революции. Именно в этом состоит своеобразный вклад Мурзинцева в развитие советского китаеведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сталин И.В. Вопросы китайской революции // Сочинения. В 13 т. Т. 9. М.: Госполитиздат, 1952. С. 221–230.
2. [История Коммунистической партии Китая]. Т. 1. Кн. 1. Пекин, 2011. 457 с.
3. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 532. Оп. 4. Д. 227.
4. Григорьев А.М. Павел Миф // Видные советские коммунисты – участники китайской революции. М.: Наука, 1970. С. 88–101.
5. Бакулин А.В. Записки об уханьском периоде китайской революции. М.; Л.: Госиздат, 1930. 288 с.
6. Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М.: Наука, 1970. 416 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 532. Оп. 4. Д. 221.
8. Резолюция VII расширенного пленума ИККИ по вопросу о положении в Китае (декабрь 1926 г.) // Коминтерн и ВКП(б) о китайской революции. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 27–48.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 532. Оп. 4. Д. 228.
10. Го Дэхун. [Летопись жизни и деятельности Ван Мина]. Пекин, 2014. 799 с.
11. Гао Хуа. [Как восходило красное солнце]. Гонконг, 2000. 705 с.
12. Ван Мин. Экономическая политика советской власти в Китае // Коммунистический Интернационал. 1933. № 24. С. 19–30.

ЛЮЙ Сыцун – аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
Россия, 119991, Москва, ГСП-1, ул. Ленинские Горы, 1
e-mail: lsc-04@mail.ru

Lu Sycon

HISTORY OF CHINESE REVOLUTION OF 1925–1927 IN THE WORKS OF TEACHERS OF COMMUNIST UNIVERSITY OF EASTERN TOILERS

This paper depicts the influence of Stalin and Wang Ming on a research of the Communist University of Eastern Toilers (KUTV) about the history of Chinese Communist Party (CCP). The author argues that, in KUTV in 1930s, there were two main tendencies in Chinese studies. On one hand, scholars of KUTV had to stick to the official Stalinist course. On the other hand, they did pay attention to the particularities of Chinese history by citing Wang Ming's works.

HISTORIOGRAPHY; SINOLOGY; HISTORY OF CHINESE COMMUNIST PARTY; CHINESE REVOLUTION OF 1925–1927.

REFERENCES

1. Stalin I.V. [Problems of Chinese Revolution]. *Works*. In 13 vol. Of vol. 9. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952. Pp. 221–230. (In Russ.)
2. [History of Chinese Communist Party]. Pt. 1. Vol. 1. Beijing, 2011. 457 p.
3. [Russian State Archiv of socio-political history]. F. 532. Op. 4. D. 227.
4. Grigoryev A.M. Pavel Mif. *Vidnyye sovetskiye komunisty – uchastniki kitayskoy revolyutsii* [Distinguished Soviet Communists - Participants of Chinese Revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1970. Pp. 88–101. (In Russ.)
5. Bakulin A.V. *Zapiski ob ukhanskom periode kitayskoy revolyutsii* [Notes on the Wuhan Period of Chinese Revolution]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1930. 288 p. (In Russ.)
6. Nikiforov V.N. *Sovetskiye istoriki o problemakh Kitaya* [Soviet Historians on Chinese Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 416 p. (In Russ.)
7. [Russian State Archiv of socio-political history]. F. 532. Op. 4. D. 221.
8. [Resolution of the 7th Enlarged Session of the Executive Committee of Comintern on the Situation in China (December 1926)]. *Komintern i VKP(b) o kitayskoy revolyutsii* [Comintern and CPSU(b) on Chinese Revolution]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1927. Pp. 27–48. (In Russ.)
9. [Russian State Archiv of socio-political history]. F. 532. Op. 4. D. 228.
10. Guo Dehong. [Chronicle of Wang Ming]. Beijing, 2014. 799 p.
11. Gao Hua. [How Did the Red Sun Rise]. Hong Kong, 2000. 705 p.
12. Van Min. [Economic Policy of Chinese Soviet Government]. *Communist International*, 1933, no. 24, pp. 19–30. (In Russ.)

LU Sycon – *Lomonosov Moscow State University*.
Ul. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
e-mail: lsc-04@mail.ru